

ФЕИИИО

№

I

1918

Художественное и литературное
периодическое издание

„ФЕНИКС“

Под редакцией Юрия Дегена

Первый 1918 год издания

СОДЕРЖАНИЕ: критико-литературные и художественные
статьи, музыка, балет, художественная проза, стихи, худо-
жественная летопись

Цена № 3 руб.

Вр. адрес редакции и конторы: Тифлис. Ул. Мечникова
№ 3

Из-во „ФЕНИКС“

Юрий Деген. Этих глаз. 2-ая книга стихов.
Виньетка по рис. автора. ПТРГ. 1919 г.
ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Смерть и буржуй. Пьеса. Обложка по
рис. Игоря Терентьева. 1919 г. ц. 1 р. 50 к.

Печатаются:

Юрий Долгушин. Их, далеких. Стихи.

Н. Семейно. Лампа. Стихи.

Луна на балконе. Сборник стихов Юрия Долгу-
шина и Н. Семейко.

Готовится к печати:

Баронъ А. А. Дельвиго. Избранные стихо-
творения. Подъ ред. и
совступительной замѣткой
Юрия Дегена.

С заказами лично или письменно просят обращаться
по временному адресу из ва: Тифлис. Ул. Мечникова
№ 3.

Лица берущие не менее пяти экз. издания пользуются
скидкой в 10 %.

Вышли в свѣтъ и имѣются в продажѣ

Юрий Деген

Поэма о солнце

Диньетка и рис. И. Терентьева

1918 г.

Ц. 1 р. 50 к.

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

Искусства и Литературы

19 — „**ARS**“ — 18

Вышли въ свѣтъ №№ 1, 2-3

Цѣна № 1 — 5 р.

Цѣна № 2-3 — 12 р.

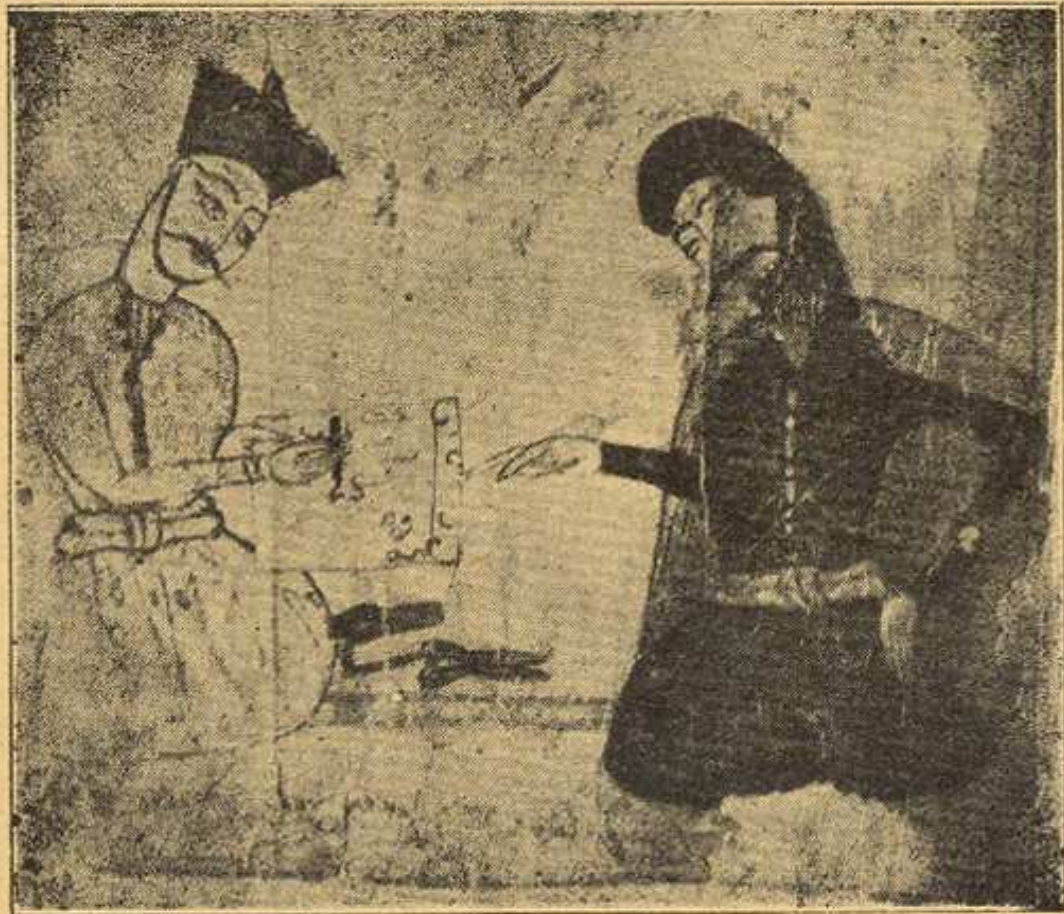
Адресъ Редакціи и Конторы Головинскій, 9.

Издательница А. А. Антонсвская.

На дняхъ выйдетъ в свѣтъ

„Фантастическій кабачекъ“

№ 1 Альманахъ поэтов № 1

Древнѣйшій изъ наличныхъ портретовъ
Шоты Руставели.

(Деталь первой миниатюры „списка дворянина Коринтели“
1646 г.)

Иллюстраціи къ поэмѣ Шоты Руставели

Извѣстны попытки дать иллюстрированное изданіе творенія Шоты. Не говоря о старомъ изданіи Картвелова 1888 г. съ рис. художника Зичи, переиздававшимися и впоследствии (напр. въ изданіи Д. Каричашвили), нужно отмѣтить интересъ проявленный въ послѣднее время къ сохранившимся древнимъ миниатюрамъ украшающимъ иные списки поэмы. Но предпріятія по изданію древнихъ миниатюръ носили лишь частичный характеръ. Такъ въ груз. журналѣ „Грифъ“ была помѣщена цвѣтная литографія, по миниатюрѣ описываемаго ниже т. н. „Сараджевского списка“, съ композиціей „Вѣнчаніе Тинатины“, ¹⁾ а въ послѣднее время Саргисъ Какабадзе приложилъ къ тексту своего изданія одиннадцать однотонныхъ, исполненныхъ посредственной сѣтчатой цинкографіей, таблицъ на отдѣльныхъ листахъ по снимкамъ съ миниатюръ того же „Сараджевского списка“. Это было лучшей изъ попытокъ дать грузинскому обществу иллюстрированную публикацію поэмы Шоты.

Но обратимся къ рукописямъ, которыя сохранили миниатюры къ поэмѣ. Изъ нихъ должно особо выдѣлить двѣ — такъ называемый „Сараджевскій списокъ“ ²⁾ и „Списокъ дворянина Коринтели“ исполненный мдивани Мамукой въ 1646 г. ³⁾ Какъ уже указывалось „Сараджевскій списокъ“, хотя и въ незначительной лишь части своихъ иллюстрацій, все же привлекалъ вниманіе издателей. Это объясняется красотой и чрезвычайной тонкостью выполненія нѣкоторыхъ изъ украшающихъ его изображеній. Но именно только нѣкоторыхъ. Этотъ списокъ сохранилъ миниатюры трехъ весьма различныхъ пошибовъ изъ общаго числа украсившихъ и украшающихъ его иллюстрацій, которыхъ въ книгѣ раньше было 87, а теперь въ текстѣ осталось 77; остальные же 10 хранятся особо. Изъ этихъ 77 миниатюръ

1) „გაბდაბა“. Нумерованная таблица въ началѣ № 1 за 1910 г.

2) Б. Такашвили. Описаніе рукописей „Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія“, Т. II. Тифлисъ, 1906—1912, см. № 830 (—4758 инвентарной нумераціи библ. Общ. Грам.) стр. 566—568.

3) Тамъ же, см. № 333 (—599 инвентарной нумераціи библ. Общ. Исторіи и Этнографіи); стр. 569—572.

только одна (помещенная как стр. 240) по формату листа аналогична страницамъ съ текстомъ. Но это изображение наиболее позднее и, въ художественномъ отношеніи, наиболее слабое изъ всѣхъ. Остальныя миниатюры распадаются на двѣ рѣзко обособленныя группы—вначалѣ почти сплошь идетъ серія картинокъ типичнаго персидскаго письма, часто съ персидскими приписками или персидскими же цифровыми помѣтками, ⁴⁾ а конецъ иллюстрированъ другимъ, болѣе слабымъ, но работавшемъ все же въ духѣ персидскихъ миниатюристовъ, мастеромъ, кисти котораго принадлежатъ и три миниатюры мѣстами входящія между рисунками первой группы. ⁵⁾ Всего миниатюръ этой группы 24. Хранящіяся особо выпавшіе листы числомъ 10 принадлежатъ:—8 къ группѣ персидскаго письма и 2 къ группѣ миниатюръ иллюстрирующихъ конецъ поэмы. Листы миниатюръ и первой и второй группъ подклеены сверху и снизу—чтобы подогнать ихъ подъ форматъ рукописи. Это указываетъ съ несомнѣнностью не только на то, что миниатюры изготовлены особо отъ текста иными чѣмъ переписчикъ мастерами, но и на то, что онѣ дѣлались вовсе не для этой книги и, возможно, просто какъ тетрадка иллюстрацій самодовлѣюще исполненныхъ. Персидскій мастеръ исполнилъ основную начальную часть. Потомъ она была пополнена отчасти и доведена до конца другимъ художникомъ, но въ форматѣ листовъ типичныхъ для первой группы.

„Списокъ дворянина Коринтели“, еще не дождавшійся изданія заключенныхъ въ немъ миниатюръ, представляетъ, даже по сравненіи съ „Сараджевскимъ спискомъ“, особый, совершенно выдающійся интересъ, т. к. это не только древнѣйшая лицевая, но и древнѣйшая изъ вообще извѣстныхъ датированныхъ рукописей „Носящій барсовую шкуру“; кромѣ того мы знаемъ, согласно припискѣ, имя писца и мѣсто написанія книги. Е. С. Такайшвили сопоставляетъ имя писца этой рукописи съ поэтомъ Мамукой—авторомъ стихотворнаго перевода „Заакіани“—жившимъ плѣнникомъ у мингрельскаго владѣтеля Левана II Дадіани. ⁶⁾ Рукопись

4) Миниатюры этой группы въ книгѣ 52—съ первой и кончая помѣченной какъ рис. 62 на стр. 214; изъ нихъ около одной трети имѣютъ персидскія надписи и около другой трети—цифровыя помѣтки.

5) а) помѣченный какъ рис. 15 на стр. 43; б) помѣч. какъ рис. 60 на стр. 197 и в) помѣч. какъ рис. 61 на стр. 204.

6) ук. соч. Е. Такайшвили, *Опноевие*, т. II, стр. 570, примѣч. 1. Въ связи съ данными приписки въ послѣднее время старое названіе этого списка замѣняется наименованіями: то „списокъ мдивани Мамуки“, то „Дидановскій списокъ“.

украшена 39 рисунками перомъ, расцвѣченныхъ акварелью и, мѣстами, тронутыхъ творенымъ золотомъ. Изъ общаго числа миниатюръ двѣ не относятся къ числу иллюстрацій текста. Одна изъ нихъ (—38-ая) даетъ портретъ переписчика этой рукописи и указываетъ на одновременность возникновенія въ Мингрелии же и текста и рисунковъ, а другая, открывающая списокъ, изображаетъ: „сверху поясное изображение царя съ двумя ассистентами по краямъ. Ниже Руставели диктуетъ свое произведеніе писцу. На раскрытой страницѣ (точнѣе—на начальной части свитка) уже помѣщены начальныя слова 16 строфы (по изданію Чубинова): *გზ ადგა*. Эти слова не случайно помѣщены для начала произведенія Руставели. Этими словами начинается въ разбираемомъ списокѣ предисловіе поэмы“. ⁷⁾ Такимъ образомъ „списокъ дворянина Коринтели“ сохранилъ до нашихъ дней древнѣйшій изъ наличныхъ портретовъ Шоты Руставели издаваемый здѣсь впервые по снимку Кавказскаго Историко-Археологическаго Института исполненному фот. Кюне. ⁸⁾ Что касается редакціи серіи миниатюръ этого кодекса, то нужно прежде всего отмѣтить, что и по набору темъ и ихъ послѣдовательности эта серія рѣзко отличается отъ редакціи „Сараджевскаго списка“. ⁹⁾ Если же случается, что сюжеты отдѣльныхъ миниатюръ совпадаютъ, то компановка каждой изъ иллюстрацій различной серіи явно указываетъ на ихъ независимое другъ отъ друга возникновеніе. Напр., среди другихъ миниатюръ, въ обѣихъ рукописяхъ имѣются композиціи весьма отлично другъ отъ друга изображающія моментъ, когда присланный отъ Ростевана рабъ обращается къ плачущему Таріелу. ¹⁰⁾ Стилистическая разница не менѣе разительна. Если основная масса миниатюръ „Сараджевскаго списка“ относится безусловно

7) Тамъ же, стр. 571.

8) Не считая легендарнаго іерусалимскаго фресковаго портрета, извѣстнаго лишь изъ книжныхъ упоминаній, должно отмѣтить, что всѣ новѣйшіе портреты Шоты Руставели восходятъ къ миниатюрѣ, мѣстонахожденіе которой теперь не извѣстно. Въ серединѣ XIX столѣтія она принадлежала кн. Александру Орбелиани и тогда же была опубликована кн. Гагаринымъ (pr. Grégoire Gagarine, *le Caucase pittoresque*, Paris, 1847, pl. XI).

9) За исключеніемъ лишь одной миниатюры явно иной руки. Ср. „списокъ дв. К-ли“ м-ра вторая и „списокъ С-джева“ м-ра помѣч. какъ рис. на стр. 13.

10) „Списокъ Сараджева“—по старой размѣткѣ рис. 8 и „списокъ дв. Коринтели“ л. 15 об.—по старой размѣткѣ рис. 4.

къ кругу собственно персидскаго искусства, то стиль миниатюръ „списка дв. Коринтели“, даже при теперешней малой изученности памятниковъ грузинской живописи, позволяетъ видѣть въ этомъ памятникѣ произведение по всей вѣроятности долженствующее быть локализованнымъ въ предѣлахъ Грузіи и восходящимъ къ мѣстной художественной традиціи. И въ бытовомъ отношеніи эти миниатюры крайне интересны, выхватывая этнографическія детали изъ тогдашней грузинской жизни. Размѣры и задачи журнальной замѣтки не позволяютъ развить выставленные положенія, но намѣчающійся выводъ весьма знаменателенъ — миниатюры „списка дв. Коринтели“ являются древнѣйшей редакціей иллюстрацій поэмы охватывающихъ единымъ сопроводительнымъ цикломъ весь текстъ памятника, редакціей не только древнѣйшей изъ всѣхъ пока извѣстныхъ, но либо и возникшей въ собственно-грузинскихъ художественныхъ центрахъ, либо значительно переработанной мѣстными мастерами, наложившими на стиль и композиціонныя детали яркій мѣстный отпечатокъ.

Въ связи съ общими запросами краевѣдѣнія должное изданіе полнаго цикла иллюстрацій „списка дв. Коринтели“ является, думается мнѣ, одной изъ очередныхъ задачъ грузинскаго національнаго культурнаго строительства.

Тифлисъ, Сентябрь 1918 г.

Дмитрій Гордѣевъ.

Е. А. Боратынскій

Ни одинъ поэтъ первой половины прошлаго столѣтія, за исключеніемъ Пушкина, конечно, не имѣетъ такого большаго значенія въ образованіи современной новой русской поэзіи, какъ Боратынскій.

Его четкій стихъ, звучащій особенно прелестно благодаря строгой и благородной инструментовкѣ буквъ, къ когорой только теперь поэты начинаютъ

подходить болѣе или мѣнѣе сознательно, и благодаря изумительному чувству ритма, которымъ Боратынскій умѣлъ пользоваться лучше Пушкина, работавшаго слишкомъ лихорадочно для того, чтобы удѣлять должное вниманіе работѣ надъ формой, сдѣлалъ Боратынскаго учителемъ поэтовъ нашего времени. Его удивительное чутье тонической структуры стихотворенія, архитектурная стройность, съ которой Боратынскій располагаетъ свои образы въ общей композиціи и неустанная работа надъ своими произведеніями, знаменующая у него „борьбой ума съ правами сердца“, о чемъ будетъ ниже, достигли того, что въ настоящее время къ Боратынскому приходится приглядываться каждому поэту, — и у лучшихъ изъ нашихъ современниковъ можемъ мы найти явное родство съ Боратынскимъ, какъ въ исполненіи своихъ поэтическихъ замысловъ, такъ и въ самомъ подходѣ къ искусству, въ которомъ онъ видѣлъ міръ эстетическихъ цѣнностей, живущій по особымъ и болѣе согласнымъ законамъ, чѣмъ образуемый повседневными мелочами несовершенный міръ нашей жизни.

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
Въ дни необузданныхъ страстей
Со мною жилъ превратный геній
Наперсникъ юности моей.
Онъ жаръ восторговъ несогласныхъ
Во мнѣ питалъ и раздувалъ;
Но соразмѣрностей прекрасныхъ
Въ душѣ носилъ и идеалъ;
Когда лишь праздниковъ сматенья
Алкалъ безумецъ молодой,

Поэту мѣрныя творенья
Всплывали стройной красотой.
Страстей порывы утихаютъ,
Страстей нечистыя мечты
Передо мной не затмеваютъ
Законовъ вѣчной красоты;
И поэтическаго міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ.

Произведеніе искусства являлось для Боратынскаго цѣннымъ само по себѣ своей эстетической цѣнностью, независимо отъ всего остального. Это доказываетъ характеръ его работы надъ своими произведеніями, работы неустанной въ прямомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ Боратынскій почти къ каждой сво-

ей вещи возвращался все снова и снова, передѣлывая ее иногда до неузнаваемости и никогда не оставляя ее окончательно. Этимъ, между прочимъ, объясняется сравнительно небольшое количество произведений Боратынского, при безчисленномъ числѣ редакцій одной и той же пьесы.

Характерной чертой этой работы было то обстоятельство, что въ Боратынскомъ всегда боролись два элемента—„гордость ума и права сердца“, при чемъ поэтъ съ удовольствіемъ отмѣчалъ тѣ случаи, когда умъ оказывался побѣдителемъ. По этому поводу Боратынскій пишетъ Н. В. Путятѣ, несогласному съ какими то его переправками: „Замѣчанія твои справедливы въ частности; но ежели бъ мы были вмѣстѣ, я, быть можетъ, доказалъ бы тебѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ перемѣнъ хороши для цѣлаго. Впрочемъ, я никакъ не ручаюсь за справедливость своего мнѣнія. Поэты, по большей части, дурные судьи своихъ произведений. Тому причиной чрезвычайно сложныя отношенія между ими и ихъ сочиненіями. Гордость ума и права сердца въ борьбѣ непрестанной. Иную пьесу любишь по воспоминанію чувства, съ которымъ она написана,—переправкой гордишься потому, что побѣдилъ умомъ сердечное чувство“. Эти побѣды ума надъ сердцемъ въ работѣ Боратынскаго знаменовали собою достиженія эстетическаго характера, такъ какъ благодаря имъ каждый разъ отпадали отъ произведенія поэта лишніе элементы—переживанья, впечатлѣнья и настроенія исключительно жизненныя, уступая свое мѣсто элементамъ чистой эстетики.

Получая извѣстное впечатлѣніе извнѣ и ощущая въ себѣ въ отвѣтъ на это впечатлѣніе неясные ритмическіе колебанія и, вдругъ,—будто изъ хаоса этихъ

Ю. А. Боратынскій

(Силуэтъ съ фот. А. П. Елагиной)

колебаній—неожиданныя варіації буквъ, инструментующихся опредѣленной фразой, поэтъ пишетъ. Его произведеніе очень возможно, будетъ совершенно непохоже на то, что дало поводъ къ созданію этого произведенія. И вотъ почему. Между этимъ поводомъ—впечатлѣніемъ и окончательнымъ завершеніемъ его—художественнымъ произведеніемъ, лежитъ длиннѣйшій путь работы поэта. Причемъ мастерскую поэта можно сравнить лишь съ лабораторіей химика, а его работу уподобить химическому опыту, ибо поэтъ, какъ и химикъ, рядомъ всевозможныхъ перегонки, реакцій, подогрѣваній и охлажденій достигаетъ того, что изъ одного очерченнаго и казалось бы неизмѣннаго бытія, получается другое, съ нимъ совершенно несхожее. Этой то работѣ, окружающей поэта ореоломъ таинственности и волшебства, судя по всему, всей своей поэтической сущностью былъ причастенъ Боратынскій. И эта черта поэта, быть можетъ, и не осознанная, но доминирующая въ немъ, сдѣлала то, что Боратынскій является для насъ извѣстнаго рода урокомъ—сквозь простыя слова, ясно выраженные мысли и точно выкованные рифмы, сквозь эти стѣны, ставшія вдругъ прозрачными, открывается намъ отдѣльное отъ всего остального и живущее собственными законами бытіе, которое переноситъ насъ въ „атмосферу музыкальную и мечтательно просторную“, какъ ее прекрасно охарактеризовалъ современникъ и другъ Боратынскаго, Кирѣевскій.

Юрій Дегенъ.

Проза

Три разсказа

Привѣтливый карликъ

Укладывая своего мальчика спать, мама говорила:

— Ночью, когда ты уснешь, всѣ стѣны въ нашей квартирѣ становятся прозрачными, и хотя я и нахожусь въ другой комнатѣ, я все вижу и слышу, что дѣлается съ тобою.

Мама укрывала мальчика вязанымъ одѣяльцемъ, а онъ немножко взволнованный, тѣмъ что рядомъ съ нимъ дѣлаются вещи, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ даже, сжимая мамину руку, мгновенно засыпалъ.

Случилось такъ, что онъ проснулся посерединѣ ночи. Онъ слѣзъ съ кровати и сѣлъ на горшочекъ.

Ночникъ, стоящій на кругломъ столикѣ въ углу, раскидывалъ по комнатѣ мягкія свѣтотѣни пятна. Мальчикъ оглядѣлся кругомъ и не замѣтилъ ничего особеннаго, такъ какъ, стѣны и все вообще въ комнатѣ оказалось на своемъ мѣстѣ.

Тогда онъ устался на черный прямоугольникъ двери, раскрытой въ сосѣдную комнату. Каково же было его изумленіе, когда онъ увидалъ тамъ, прислонившагося къ косяку двери, карлика, того самаго, что показывали ему вечеромъ въ гостяхъ. Карликъ былъ все въ томъ-же зеленомъ балахонѣ и широкихъ туфляхъ. На головѣ у него возвышался бѣлый тюрбанъ, смотанный изъ полотенца. Повидимому, ему было жарко: отъ пота лѣвый усъ, наведенный жженой пробкой, размазался по щекѣ. Но это обстоятельство его не смущало. Онъ казался совершенно довольнымъ собою и привѣтливо улыбался со своего мѣста мальчику, поглаживая свой правый нарисованный усъ.

Пока мальчикъ разглядывалъ карлика, въ комнатѣ произошло какое-то легкое движеніе, какъ будто

съ одного конца комнаты на другой перепорхнулъ вѣтерокъ и, когда мальчикъ оглянулся, онъ былъ изумленъ гораздо болѣе, чѣмъ при видѣ карлика, потому что стѣны роздались въ разныя стороны, открывая необычайныя картины.

Въ это время къ вставшему отъ удивленія мальчику подошелъ карликъ и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Добро пожаловать въ страну сказокъ.

Открытие Америки

Къ великому огорченію Колумба и всего экипажа, изъ предосторожности, пришлось убрать паруса и стать подъ вѣтромъ въ ожиданіи разсвѣта. Было бы неблагоразумно стараться ночью приблизиться къ неизвѣстной землѣ.

Мучительное ожиданіе длилось почти три часа — срокъ достаточный для того, чтобы довести порывистаго адмирала до суевѣрнаго ужаса передъ близкой, рядомъ съ нимъ стоящей неизвѣстностью, заманчивой, но таящей, быть можетъ, роковыя послѣдствія.

Наконецъ, занялось утро пятницы 12 октября, когда въ сумракѣ разсвѣта передъ взорами моряковъ выплыла и постепенно стала обрисовываться новая земля. На ней различили лѣса, покрывающіе гладкую равнину острова и замѣтили нѣсколько глубокихъ полосокъ рѣкъ, бѣгущихъ къ океану.

На „Санта Марія“ была отдана команда спустить лодку. То-же распоряженіе сдѣлали командиры двухъ другихъ судовъ. И, вотъ, Колумбъ въ красной робѣ, накинутой поверхъ сверкающихъ, кованыхъ доспѣховъ, съ большимъ королевскимъ знаменемъ, прикрѣпленнымъ къ носу лодки, два капитана со знаменами, украшенными коронами и королевскими инициалами въ сопровожденіи натаріуса для составленія

акта о завладѣніи земель, переводчика, знающаго латинскій, греческій, еврейскій, арабскій, коптскій и армянскій языки, взятаго въ плаваніе на случай, если одинъ изъ этихъ языковъ смогъ бы пригодиться для объясненія съ встрѣченными на новыхъ земляхъ туземцами, обогнувъ рѣку, окружающіе островъ, причалили къ землѣ, названной адмирал. — Санъ-Сальвадоръ.

Воскресеніе

Была дѣвочка. И ее не стало. Дѣвочка умерла. Я знаю, какъ горько плакала мама. Она стала на колѣни у кровати, трогала маленькія, мертвыя ножки. И ей все казалось, что дѣвочка еще дышетъ. Но уже на опущенныхъ вѣкахъ, вокругъ рѣсницъ, тронула дѣтскіе глазки свинцовая голубизна.

Вы спросите: „Что-же дѣлалъ папа?“ —

Папа былъ рядомъ.

Онъ сжималъ крѣпко, крѣпко мамину руку и какъ будто утѣшалъ ее. Я подслушалъ, что онъ говорилъ. Онъ безъ конца повторялъ: „баю бай.... баю бай“.... А мама плакала.

И, наконецъ, утомившись, прикурнула рядомъ со своею дѣвочкой и тихо уснула.

Когда-же она проснулась, солнце стояло высоко въ небѣ и мамыны щеки ласкалъ легкій вѣтеръ. Мама не испугалась, что она не въ комнатѣ, а на зеленой полянѣ цвѣтущаго сада. Ей было такъ хорошо! Вѣдь она была съ папой и съ дочкой, болтавшими какую-то милую чепуху.

Только слегка удивилась мама, увидавъ за ихъ плечами бѣлыя, изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, крылья.

Но она поняла все и улыбнулась, когда почувствовала и за собой ихъ легкое трепетанье.

Юрій Дегенъ.

С Т И Х И

* * *

Когда душа Сивиллы Венъ
Коснулась Доріана Грея—
Ея любовь была острѣе,
Чѣмъ свѣтлаго искусства плѣнь.

Такъ я должна теперь молчать
Пріемля счастья неизбежность,
Не въ силахъ съ рифмой сочетать
Мою безпомощную нѣжность.

* * *

Вл. Гудіеву.

Изъ за горы лѣсными лани
Насторожили темный взглядъ,
Какъ женщины въ парчевой ткани
Снимаютъ черный виноградъ.

Ползутъ цвѣты по кособору
Пластами рдѣютъ облака,
Въ монастырѣ затлѣетъ скоро
Свѣтлякъ ночного огонька.

И на конѣ съ косящимъ окомъ
Спѣшитъ наѣздникъ молодой
Перелетѣтъ въ сѣдлѣ широкомъ
Надъ застывающей водой.

Татьяна Вечорка.

Колыбельная—сердцу

Сегодня не закрою глазъ
все буду ждагъ—не заскрипитъ-ли лѣсенка,
буду сердцу напѣвать колыбельную пѣсенку
въ одинокій, ночной разъ.

знаю—прошлаго не возвратишь
и потому такъ сердцу не спится.
буду глупо и горячо молиться
въ ночную тишь.

но молитвъ не услышитъ Господь
вѣдь прошлое-- не возвратимо
и въ жизни все проходитъ мимо
и только торжествуетъ плоть.

сегодня сказокъ длинную нить
сердцу скажу— пусть только имъ внемлетъ
и можетъ быть сердце задремлетъ...
сегодня буду одинъ любить.

увиджу маленькій узорный лапотъ
отъ твоихъ золотыхъ часовъ
и, вотъ, меня опять заставитъ плакать
твоя любовь.

Пьеро

Ничего, ничего, что душа
таетъ гдѣ то, какъ теплый воскъ
ничего, что когтями шурша
мысль скребетъ омертвѣвшій мозгъ.
глупо смотреть со стѣнъ акварели
и отъ нихъ холодно... холодно...
кто пойметъ, что въ бездушномъ тѣлѣ
безсердечное сердце одно?!

Ничего, пусть ударами полнится,
въ электрическомъ дымѣ уставъ,
вспомню дѣтское росное солнце
и бѣгу отъ гремящихъ заставъ.
пусть увидятъ въ туманѣ разсвѣта
пастухи у потухшихъ костровъ
позабывшаго солнце поэта,
набѣленного утромъ Пьеро.

Юрій Долгушинъ.

Въ Екатерининъ день.

Синимъ глазкамъ отъ свѣта будетъ больно,
Когда надъ кроваткою пологъ раздвинется
И запоетъ на десятки верстъ старенькая колокольня.
Что въ домѣ съ бѣлыми колоннами проснулась
имениница.

Сегодня нельзя босикомъ убѣжать въ березки,
На рѣчку, гдѣ плаваютъ желтые утята.
Нужно подумать о платьѣ, о прическѣ,
Которая къ вечеру будетъ смята.

Понаѣдутъ друзья и подружки
Станетъ весело отъ чудачествъ и смѣха.
И мальчикамъ, ночующимъ у лѣсной опушки
Взгрустнется отъ игриваго дѣвичьяго эхо.

А когда разсвѣтъ поползетъ съ полей,
Приснится голубоокой Екатеринѣ,
Что кто-то не спитъ и думаетъ о ней,
На бревнѣ, у старой плотины.

1918 г.

Борисъ Корнѣевъ.

* * *

Мой соколъ черный, не ловила я тебя въ густомъ лѣсу,
Не ранила стрѣлою въ чистомъ полѣ,
Такъ почему-же крестъ я бережно несу
Съ тѣхъ поръ какъ встрѣтила твой взоръ соколій.

Глаза легли въ глаза... и дрогнули уста...
О мигъ безумства, радости и боли.
Моя душа ужъ болѣ не пуста,
Не спитъ она въ томительномъ безволии.

Твои глаза въ мои взглянули очи,
О если-бы могла я этотъ мигъ упрочить,
И хищный, горный взглядъ
Хранить какъ цѣнный кладъ,
Въ шкатулкѣ тонкой и узорной
Мой соколъ хищный, соколъ черный.

Марія Листовская.

Въ заколдованной избѣ.

I.

Кто раскроетъ въ сумракъ
дверцу?
Сердцу
кто нашепчетъ мракъ?
Въ новомъ Солнцѣ разувѣриться
не заставишь, старый врагъ!
Если будетъ горе,
лихо намъ
на обрубленной горѣ, —
Мы съ святителемъ, мы съ Тихономъ,
мы укроемся въ норѣ.

II.

Въ лѣвомъ углу на
коверь твой
мертвой
упала луна —
лики кривые повертываетъ,
въ чортову сажень длина!
Ребра оконцу
лижетъ,
ближе
сама къ концу...
Ну, поскорѣе коли же,
выколи глазъ къ вѣнцу.

г. Тифлисъ 1918 годъ
6 сентября.

Вѣнокъ Т. Т-вой.

Въ вашемъ сердцѣ не нашли вы силы,
Даже маленькаго чувства для земли —
Въ эти дни, что такъ разсвѣтно милы,
Отъ нея вы дѣвочкой ушли.
Такъ бездушно, рѣзко и нелѣпо
Прозвучалъ вашъ сумасшедшій выстрѣлъ,
И навѣки вдругъ жестоко быстро
Оборвались съ этой жизнью скрѣпы.
Въ этомъ мірѣ, гдѣ такъ много риска,
Гдѣ такъ дики вѣчныя мечты,
Вы совсѣмъ вѣдь были гимназисткой,
Не начавши жить еще почти.

А теперь въ холодномъ, мертвомъ склепѣ
Спите крѣпко вы, завитая въ вуаль,
И лишь въ траурномъ, безмолвномъ крепѣ
Мы хранимъ о васъ глубокую печаль.

г. Тифлисъ 1918 г.
10 мая.

Н. Семейко.

Радуга

Опрокинутый сонетъ

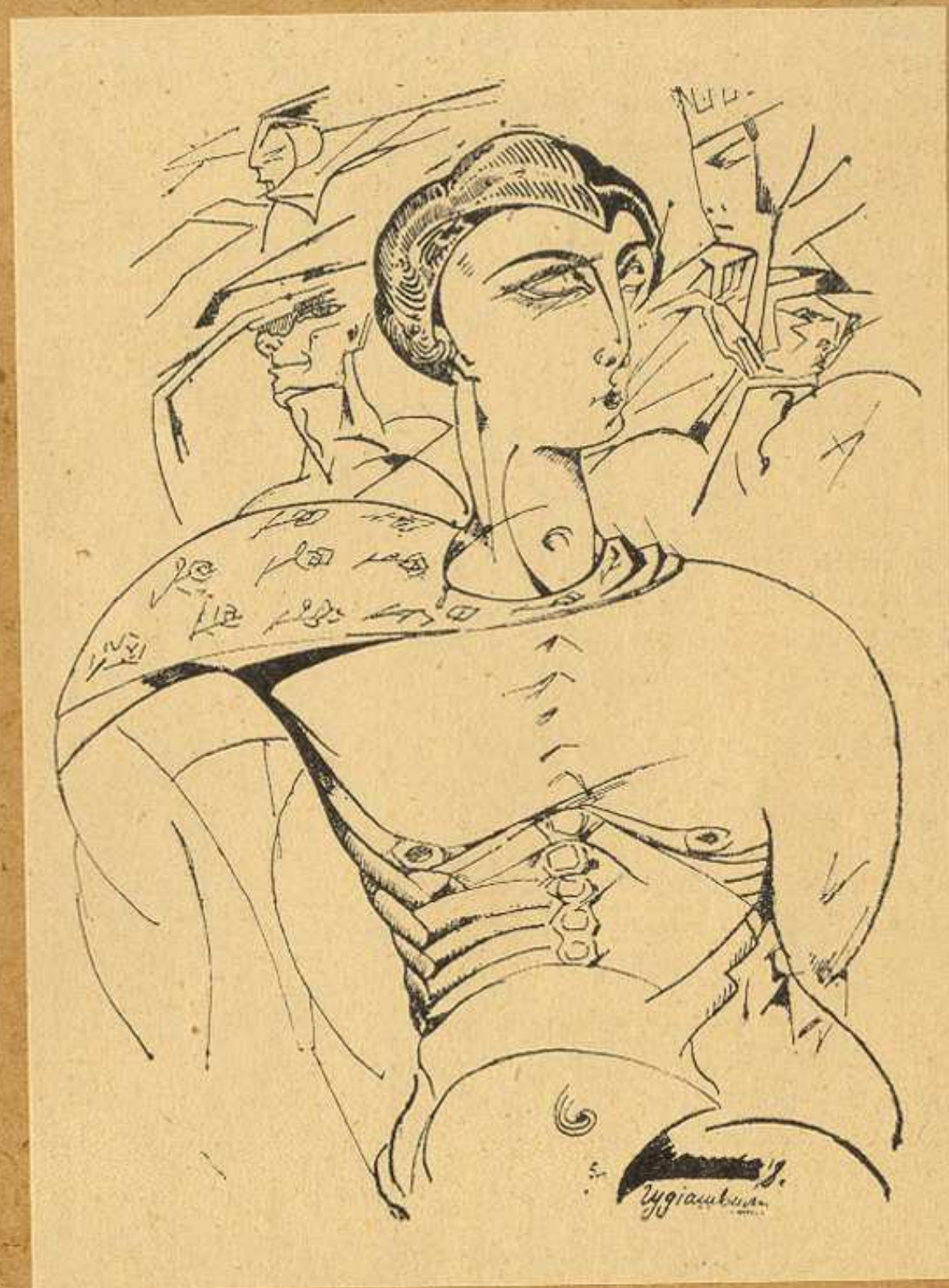
Грозовымъ молотомъ расколоть зной.
Обломки тучъ разорваны просвѣтомъ.
Дымится влага въ воздухѣ согрѣтомъ
Надъ темною поверхностью земной.

Въ алмазныхъ брызгахъ жаркій лучъ дробится
И солнца многоцвѣтная зарница —
Въ вечернемъ небѣ радуга горитъ.

Кровавой распрей алый край сверкаетъ.
Оранжевый подъемлетъ ржавый щитъ.
Тяжелымъ желтый золотомъ пылаетъ.

Зеленый льется сонной глубиной,
А синій, что стальнымъ слѣпитъ стилетомъ,
Слабѣя, голубѣетъ въ небѣ лѣтомъ,
Вѣнчаясь фіолетовой волной.

Григорій Шайкевичъ.

Вл. Гудіашвили.

Портретъ Г. М.

Художественная хроника

Выставки

Выставка картинъ Вл. Гудіева и
А. Бажбеукъ Меликова.

10922
Творчество Вл. Гудіева — мистицизмъ грузинскихъ легендъ, преломленныхъ призмой современности. Четкость красочной палитры и совершенство карандашныхъ набросковъ опредѣляютъ Вл. Гудіева, какъ крупнаго мастера. Дарованіе Саши Бажбеукъ-Меликова менѣе рѣзко опредѣлено, художникъ находится въ періодѣ исканій, однако на основаніи впечатлѣнія отъ выставленныхъ холстовъ — мы вправѣ ожидать отъ него большихъ достижений. Интересъ публики къ выставкѣ характеризуется хотя бы тѣмъ, что въ теченіи 2-хъ недѣль, въ помѣщеніи Агса пребывало свыше 1,000 чел.

Т. Вечорка.

Театръ

„Ладья Аргонавтовъ“

Искусство послѣдняго времени имѣетъ большую склонность къ матеріальнымъ благамъ, но когда эта склонность не приводитъ къ явной спекуляціи, то обвинять представителей искусства не приходится.

Цѣны Ладьи Аргонавтовъ, о которыхъ такъ много говорятъ, въ концѣ концовъ, по сравненію съ цѣнами подобныхъ учреждений въ столицѣ не такъ ужъ велики.

Что же касается до художественности стороны, предлагаемаго публикѣ матеріала, то приходится съ грустью отмѣтить, что она является художественной лишь въ размахѣ провинціального масштаба. Роспись помѣщенія за исключеніемъ „входа“ исполненаго Гудіевымъ и Бажбеукъ-Меликовымъ очень часто по своему стилю совершенно не подходитъ къ студии подобнаго типа.

Литературный матеріалъ въ достаточной мѣрѣ скученъ.

Однако, это не совсѣмъ удачное начало, при извѣстной работѣ руководителей „Ладьи“, — а работаютъ они все время, — способно привести къ художественному уровню, удовлетворяющему болѣе строгимъ требованіямъ.

Н. В.

НОВЫЯ КНИГИ

Татьяна Вечорка. Магноліи 1918 г. Стихи.
Из-во „Кольчуга“ Ц. 5 р.

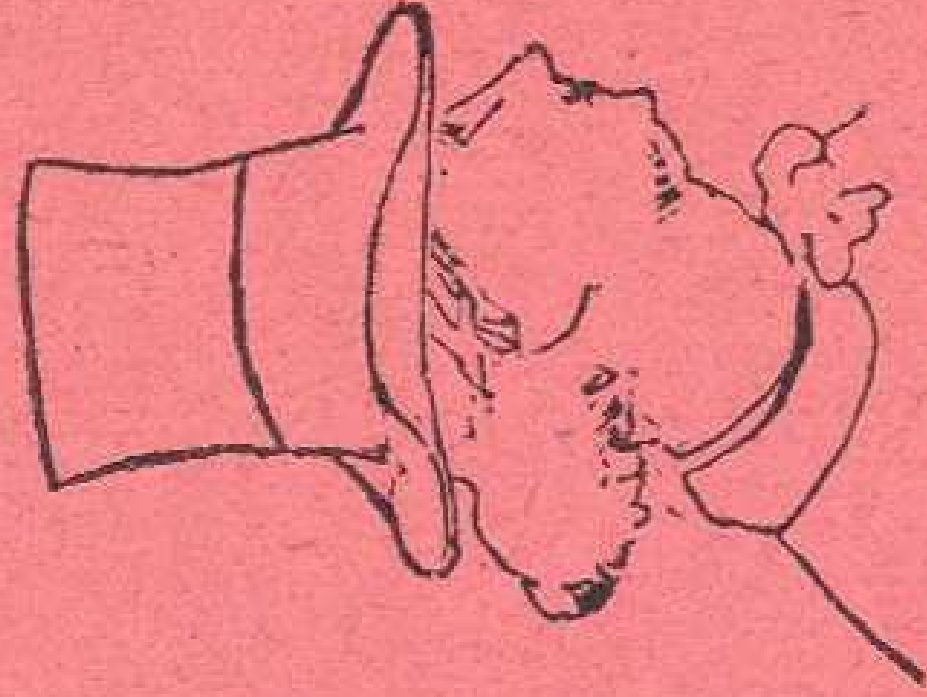
За послѣднее время намъ извѣстенъ типъ поэтессы, сужившей кругъ своего творчества сферой интимныхъ женскихъ переживаній (Анна Ахматова и ея школа). Поэтому особенно хочется привѣтствовать Т. Вечорку, рѣшившуюся выйти изъ этого круга („Клеопатра“, „Гороскопъ“, „Галантная баллада“, „Опять“, „Въ отравленныхъ усядахъ“...) Но и для выраженія болѣе интимныхъ переживаній находитъ поэтесса вѣрные слова и достаточную проникновенность. Эротика Т. Вечорки запечатлѣна вѣяніемъ мистики, достигая въ переживаніяхъ любви и счастья — пафоса чуда и смерти.

Но время счастья рококо скорѣе труднаго,
когда слѣдуетъ безплатность райскихъ дней
и близость Бога единствомъ отечества.

(Либавь).

Г. Ш.

Ф 422/2
1918/2

Э. Манэ.

Профиль Бодлера.

Силуэтъ Боратынскаго и рис. Э. Манэ рѣзаны на линолеумѣ
граверомъ редакціи „Феникса“ Ю. А. Долгушинымъ.
Остальные клише исполнены въ цинкографіи Сютчяна и
Согомоняна.